

К. Г. КРАСУХИН

К ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Всякий язык, в том числе и реконструированный, есть субстанция, существующая в пространстве и во времени. Поэтому при восстановлении праязыка необходимо учитывать его диалектальную неоднородность и наличие в нем разных временных пластов. В этой связи встает вопрос о критериях вычленения отдельных диалектов в составе праязыкового континуума. В этой роли, в частности, может выступать и глагольная флексия. Балтийские языки представляют особый интерес благодаря наличию в них архаизмов, сложившихся в новую систему.

I

В древних и.-е. языках существовало два типа показателей 3 л. ед. ч.: \emptyset и $-t$ в различных вариантах. Максимальную структуру этого последнего можно представить следующим образом:

$$\begin{array}{ll} t & to \\ ti & tu \end{array}$$

По горизонтали друг другу противостоят маркированные и немаркированные аффиксы, по вертикали — модальные и немодальные; $-t$ и $-to$ относятся друг к другу как безударная и ударная флексия. Этот аффикс родственен именному суффиксу $-to$, образующему имена от глаголов (причастия типа лит. *dirb-tas*) и от имени (лит. *duobė — duobė-tas*)¹. Безударный аффикс в глаголе маркировал действие, направленное вне сферы субъекта, — акцентированный аффикс указывал на самонаправленность действия, т. е. на медиальное значение².

¹ Haudry I. L'indo-européen. Paris, 1979. P. 67.

² Erhart A. Zur Entwicklung der Verbdialthese im Indoeuropäischen//Sbornik prazi filozofiske fakulty Brenenske univerzity. A 29. 1981, 46. Противопоставление флексий $-t$ и $-to$ есть частный случай оппозиции баритонированных и окситонированных форм; последние имели семантику производности и подчиненности.

Данный аффикс мог принимать также приращения *-i* и *-u*. Вариант *-ti* в большинстве и.-е. языков обозначал презенс, *-tu* — императив. Представляется, что эти глагольные флексии также находят параллель в именных суффиксах *-ti* и *-tu*. Как показал Э. Бенвенист, суффикс отглагольного имени *-ti* маркирует действие объективное и абстрактное, *-tu* — субъективное и конкретное, стремление к действию. Так, в Гортинских законах (Крит, V в. до н. э.) слово $\alpha\nu\tau\alpha\nu\sigma\iota\varsigma$ (класс. греч. $\alpha\nu\acute{\alpha}\phi\alpha\sigma\iota\varsigma$) обозначало юридическое действие, $\alpha\nu\tau\alpha\nu\tau\upsilon\varsigma$ (* $\alpha\nu\alpha\phi\alpha\nu\tau\upsilon\varsigma$) — юридическую правомочность³. В балт. и слав. имена на *-ti* преобразовались в инфинитив (слав. *-ТИ*, лит. *-ti*, лтш. *(-t)*), *-tu* — в супин (слав. *-ТЬ*, лит. *-tu*). В рамках же собственно глагольной семантики объективное действие преобразовалось в эмфатическое, длительное, презентное; стремление к действию — в императив.

Такая развитая схема была относительно поздней в и.-е. языковом состоянии. Тенденция к ее формированию лучше всего представлена в юго-восточных и.-е. диалектах: индо-иранских и анатолийских. Флексия *-t* здесь маркирует претерит, *-ti* (хет. *-zi*, лув. *-ti*) — презенс, *-to* — медий (в анатол. с факультативным *-r-*), *-tu* (хет. *-du*) — императив. Элемент *-i*, возникший сперва в 3 л. ед. ч., распространился и на другие лица: *-mi*, *-si*, *-nti*; в хет. *-ueni*, *-teni* в оппозиции к *-uen*, *-ten*; вед. факультативное *-masi* (1 л. мн. ч.) вместе с *-mas*. Этот же элемент присутствует в медиальном презенсе: санскр. *-e*, *-se*, *-te* < **-ai*, **-sai*, **-tai*; хет. *-hari*, *-tati*, *-tari*.

Следует заметить, что в санскр. вторичные окончания использовались не только в претерите (имперфекте и аористе), но и в особой категории инъюнктива. Эта грамматическая категория очень сложна по значению; в зависимости от контекста она может быть подобной презенсу или аористу, обозначать условие, пожелание или запрещение. По форме инъюнктив равен аористу без аугмента (реже — презенсу с вторичными окончаниями). Как показали К. Хофман и К. Уоткинс, такое разнообразие значений является скорее ведийским новообразованием, но форма восходит к древнейшим и.-е. языковым слоям. Она обозначала действие, не связанное с моментом речи и лишённое всяких дополнительных характеристик⁴. Такое „чистое“ действие в какой-то момент оказалось противопоставлено действию, чья семантика была подчеркнута формантом *-i*. Эта частица несла также значение длительности (отчасти сохранившееся в литовском, см. ниже), которое могло переходить в презенс. Презенс в аспектуальном плане противопоставит инъюнктиву как длительный — мгновенному, устойчивый, действительный — неустойчивому, гипотетиче-

³ Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948. P. 75.

⁴ Hoffmann K. Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967; Watkins C. Die Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 39.

скому; во временном плане — как настоящее время прошедшему. Функцию инъюнктива в других и.-е. языках отчасти взяли конъюнктив и оптатив, поэтому в большинстве случаев здесь также используются вторичные окончания.

В древнегреческом флексия атематических глаголов во всем подобна индоиранской, за исключением императива: 3 л. ед. ч. здесь обозначается суффиксом $-\tau\omega < *tod$, происходящим, по-видимому, из аблатива указательного местоимения⁵. Медиальные окончания в греч. также сходны с индоиранскими $-\mu\alpha\iota$, $-\sigma\alpha\iota$, $-\tau\alpha\iota$ (аркад. $-\tau\omicron\iota$, микен. $-to$). Конъюнктив в греч. противопоставлен оптативу как более реальное (условное) менее реальному (желательному) наклонению, поэтому в нем используются первичные окончания. Сходная система представлена в итальянских языках. Надо учесть, что здесь $-i$ отпадало, ср. лат. *exemplar* $< *exemplari$. Конъюнктив и оптатив слились в единую категорию субъюнктива с вторичными окончаниями. Поэтому нет оснований утверждать, что флексия 1 л. ед. ч., использующаяся только в претерите и субъюнктиве, восходит к архетипу $-mi$, как и 2 л. ед. ч. $-s$, общее для презенса и претерита⁶. Только 3 л. обнаруживает оппозицию первичных и вторичных окончаний: $*-t \neq \neq$ переходило в $-d$ (в классической латыни заменено на $-t$), $*-nt \neq \neq > ns$. В архаической латыни известно *sied* (= *sit*), *esed* (= *erit*); оск. *deded* (= *dedit*), умбр. *dede* ($-d \neq \neq$ в умбр. отпадало); мн. ч. — оск. *iupsens* (= *fecerunt*). В лат. медиопассиве нет оппозиции первичности — вторичности, в оск. и умбр. — есть: первичные окончания $-ter < *tri$, $-nter < *-ntri$; вторичные $-tur < -tr$, $-ntur < ntr$ (в лат. только $-tur$, $-ntur$)⁷.

Менее всего оппозиция первичных и вторичных окончаний связана с временной семантикой в кельтских языках. Здесь различается флексия свободного (абсолютного) и связного спряжения, последнее встречается в композитах, префиксированных глаголах, а также в простых, сочетающихся с частицами *no*, *ro*, отрицаниями, или стоящих в конце предложения⁸. Мнение о происхождении этой оппозиции высказывали крупнейшие кельтологи и индоевропеисты: И. Циммер, Р. Турнейнзен, А. Мейе, Ю. Покорный, Х. Педерсен, М. Диллон и мн. др. Основные идеи можно свести к следующим пунктам: 1. Абсолютное спряжение отражает первичные окончания, связное — вторичное, следовательно, оппозиция является архаичной. 2. Абсолютное спряжение репрезентирует атематический тип спряжения, связное — тематический,

⁵ Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Л., 1960. С. 160.

⁶ Safarewicz I. *Studia jazykoznawcze*. Warszawa, 1967. P. 49.

⁷ Buck C. D. *A Grammar of Oscan-Umbrian*. Chicago, 1903. P. 150.

⁸ Thurneysen R. *Handbuch der Altirischen*. Heidelberg, 1908. S. 351; Pokorny J. *Altirische Grammatik*. Innsbruck, 1925. S. 25.

аналогичный греч. или вост.-балт. 3. Абсолютное спряжение есть новообразование кельтских языков, возникшее путем суффиксирования местоимений: *beri* < **bherei-is*, *berid* < **bheret-is*; с этой точки зрения, первичные окончания в кельтском отсутствовали. Все перечисленные точки зрения подробно критически рассмотрены В. Мейдом⁹. С точки зрения самого Мейда, связанное спряжение отражает и.-е. инъюнктив, который, как уже отмечалось, мог иметь презентное или аористное значение. Синтаксически такая форма обнаруживала связь с частицами, которые присоединились к ней по следующим правилам (I — инъюнктивная форма, P — частица): PI, PPI, IP, IPP; сочетание же PIP было невозможно. Иными словами, могли быть синтагмы **pro bheret*, **e-bheret*, **bheret-i*, но не **pro-bheret-i*. Эти архаические распределения и отразились в кельт. спряжении. Следует также учесть, что некоторые префиксы придавали глаголу дополнительное значение (завершенности или, наоборот, начинательности), при котором частица *-i* становилась избыточной. Во всяком случае следует отметить, что кельтские языки наименее захвачены тенденцией, описанной в начале статьи. Это обстоятельство соотносится с максимальной удаленностью кельт. от юго-восточных и.-е. диалектов.

Интересно также отметить связь распространения элементов *-i* и *-u* по языкам и по лицам. Частица *-i*, известная во всех и.-е. языковых группах, довольно широко распространилась по лицам; *-u*, засвидетельствованная в составе глагольной флексии только в и.-ир. и анатол. языках, присоединилась только к 3 л. ед. ч. и мн. ч.¹⁰

Перейдем к балт. глагольной флексии. Здесь существенно отличаются друг от друга окончания тематических и атематических глаголов. Эти последние в общем соответствовали и.-е. первичным окончаниям: ст.-лит. *stovmi*, ср. греч. ἵστημι, санскр. *tiṣṭhati*. В тематическом типе первые два лица не соотносятся с архетипами *-m*, *-s*; поскольку же *-t* ≠ ≠ в балт. отпадало, окончание 3 л. не вполне ясно. Хр. Станг полагал, что флексия *-a* отражает и.-е. вторичное окончание *-ot* (с тематической гласной)¹¹. Вяч. Вс. Иванов, напротив, считает эту флексию нулевой¹². Фонетические законы в лит. не позволяют отдать предпочтение той или иной гипотезе, поэтому надо искать дополнительные критерии.

⁹ Meid W. Die indogermanische Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion. Wiesbaden, 1963.

¹⁰ Красухин К. Г. К вопросу о системе личных показателей индоевропейского глагола // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. № 6. 1986. С. 69.

¹¹ Stang Chr. Das baltische und slavische Verbum. Oslo, 1942. S. 351.

¹² Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981. С. 44.

Ни один аффикс в языке не может существовать изолированно. Поэтому надежная реконструкция должна быть не только корректной с фонетической точки зрения, но и удовлетворять еще двум требованиям: 1) реконструируемый аффикс должен находиться в определенной системе; 2) эта система должна находить соответствие в других родственных языках. Презентные лит. показатели *-u*, *-i*, *-a* отличаются от санскр. *-mi*, *-si*, *-ti*, но сходны с греч. *-ω*, *-εις*, *-ει*, где в 3 л. *-t* не восстанавливается. Флексия 2 л. ед. ч. *-i* может отражать архетип **-ei*, но не **-es*; парадигма **-ō*, **-ei*, **-et* не засвидетельствована, поэтому в вост.-балт. презенсе в 3 л. наличествует \emptyset окончание.

Парадигма презенса оказала влияние на претерит: *dirbù* — *dirbaũ*, *dirbi* — *dirbaĩ*, однако 3 л. *dirbo* отражает архаический суффикс **-ā*, известный в итало-кельтском ареале, где он маркировал конъюнктив и претерит (лат. *erat*, др.-ирл. *ba* „был“, лат. *ferat*, др.-ирл. *bera* „он бы нес“). В этих формах присутствуют вторичные окончания; лит. *bùvo* находит полную параллель в оск. *fuad*. Поэтому для 3 л. претерита в вост.-балт. восстанавливается *-t* ≠ ≠. Нечто аналогичное устанавливается для футурума: *busiù*, *busì* возникли под влиянием презенса, но вся эта парадигма имеет тесную связь с санскр. футурумом *-sya-*: *bhavisyati*¹³. Окончание *-ti* в вост.-балт. мало распространено, в большинстве же и.-е. языков футурум использует первичные окончания. Будущее время — сравнительно поздняя грамматическая категория, происходящая обычно из модальных форм. Так, футурум в санскр. имеет тот же суффикс, что и аорист оптатива; сигматические формы в итал. являются конъюнктивными: лат. *faxit*, оск. *fusid*. На основании всего этого лит. *-bus* можно восстановить как **bhust*, здесь сохранился архаизм: футурум с вторичными окончаниями.

Первичные окончания встречались преимущественно в старолитовском. Они были в нем мало распространены, в современных же балт. языках — еще меньше. Здесь прежде всего надо отметить лтш. *iet*¹⁴ в лит. *ėsti*. Исследуя эту глагольную форму, Хр. Станг отметил интересный нюанс в ее значении: в отличие от *urà*, обозначающего просто связку, *ėsti* нередко переводится как „бывает“, „существует“¹⁵. Иными словами, здесь сохранена эмфатическо-длительная семантика флексии *-ti*, более архаичная, чем презентная.

Непродуктивность первичных окончаний в вост.-балт. свидетельствует о том, что эта языковая группа почти не была захвачена указанной нами тен-

¹³ Schmid W. P. Studien zum baltischen und indoeuropäischen Verb. Wiesbaden, 1963.

¹⁴ Endzelin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922. S. 550; Stang Chr. Die Flexion des Verb *iet* im Lettischen // Opuscula linguistica. Oslo, 1970.

¹⁵ Станг Хр. Третье лицо глагола „быть“ в литовском и латышском. С. 207—208.

денцией. Медиальное окончание *-to* было широко распространено в и.-е. языках; видимо, в балт. оно было утеряно в связи с распространением аналитического медиопассива с частицей *-si*. Формант же *-tu*, известный в качестве суфина, не успел развиться в глагольное окончание в балт. Таким образом, восточнобалтийские, как и кельтские репрезентируют малую дифференцированность глагольной флексии по временам, что соответствует их периферийному положению в и.-е. языковом континууме.

Сопоставим с этим славянские данные. Здесь флексия не была лишена временных оппозиций: *ВЕЗЕШИ — ВЕЗЕ(*-s)*, *ВЕЗЕТЬ — ВЕЗЕ(*-t)*. Окончание *-ТЬ* до сих пор не вполне ясно. С одной стороны, в ряде русских диалектов ослабевает оппозиция по твердости — мягкости, поэтому могут быть фонетические условия перехода *-ТЬ (*-ti)* в *-ТЬ¹⁶*. К. Бругманн также видел в слав. *-ТЬ* отражение и.-е. *-ti¹⁷*, а Г. Хирт полагал, что *-ТЬ* сформировалось из безударного медиального *-to¹⁸*. Иной точки зрения придерживался Ф. Ф. Fortunatov. Дело в том, что в южнорусских, новгородских и некоторых других диалектах засвидетельствована флексия *-ть*; она встречается и в некоторых евангелических рукописях русского извода. Ф. Ф. Fortunatov пришел к выводу, что глаголы с окончанием *-ть* являются инновацией, сама же флексия восходит к указательному местоимению, аналогичному балт. *tas¹⁹*. Эту точку зрения поддержал С. П. Обнорский, подробно проанализировавший формы с нулевым окончанием (типа *може, переиде*) в древнерусском. Такие формы, с точки зрения С. П. Обнорского, нередко встречаются в тех позициях, когда глагол так или иначе ослаблен функционально (напр., при повторении) или стоит в конце предложения²⁰. Эти флексии, видимо, восходят к вторичным окончаниям (укр., рус. диал. *e < *est*); присоединение к ним определяющих частиц находит параллель в синтактике инъюнктива, а употребление их в конце предложения поразительно напоминает кельтское связное спряжение. С. П. Обнорский склонен считать местоимением и *-ть*. Однако вероятнее предположить, что здесь рефлекс первичных окончаний. Флексия же *-ть*, независимо от ее происхождения, занимает место и.-е. *-ti*, коррелируя с 2 л. ед. ч. *-шь/ши/ci < *ti*.

¹⁶ Касаткин Л. Л. Русский диалектный консонантизм. М., 1984. С. 76.

¹⁷ Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanische Sprachen. Berlin, 1922.

¹⁸ Hirt H. Zum Verbalflexion // IP. 1906—1907. Bd. 17. S. 258.

¹⁹ Fortunatov Ф. Ф. Старославянское *-ть* в 3 л. глаголов. // Изв. Петербургск. АН. Т. 13. С. 2.

²⁰ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 127.

3 л. ед. ч. с нулевым аффиксом, восходящим, по-видимому, к *-t*, свойственно не только рус. диалектам, но и укр.: *e, иде, буде*, отдельным глаголам в других слав. языках: сербохорв. *je*, польск. *będze* < **bhuendet*. Эти факты свидетельствуют о том, что оформление временной оппозиции в слав. не было завершено, хотя анализируемая тенденция здесь проявлялась отчетливее, чем в балт. Это соответствует положению славянской диалектной зоны: южнее и восточнее балтийской.

Таким образом, структура 3 л. ед. ч. оказывается надежным критерием вычленения диалектов. Если расположить и.-е. языковые группы по степени развития 3 л., получится картина, соответствующая и другим данным лингвогеографии.

КЕЛЬТСКАЯ БАЛТИЙСКАЯ
ИТАЛИЙСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ
ГЕРМАНСКАЯ ИНДОИРАНСКАЯ АНАТОЛИЙСКАЯ
ГРЕЧЕСКАЯ

Подчеркнуты языковые группы, наиболее полно осуществившие анализируемую тенденцию.

II

Как уже отмечалось, презентная парадигма в вост.-балт. не совпадает с тематическим спряжением в индоиранском, но находит параллели в греческом. Этот тип спряжения сходен с парадигмой перфекта и спряжением на *-hi* в хеттском. Здесь совпадает 1 и 3 л. (*ha — ohe, -e-e/o*), а 2 л. различается. Однако это различие объяснимо. 2 л. находится на пересечении двух оппозиций: эгоцентричность — неэгоцентричность и участие — неучастие в диалоге; „Ты“ есть неэгоцентричный участник диалога²¹. В зависимости от типа спряжения 2 л. могло быть ближе к 1 или к 3. Исходя из этого, можно предложить прапарадигму, общую для перфекта и тематического типа: **-he, *-e, *-e* > **-he, *-the, *-e* (перфект, спряжение на *-hi*), **-ohe, *-ei, *-e/o* (тематический тип). В этой прапарадигме 2 и 3 л. не отличались друг от друга, а 1 л. было маркировано ларингалом. Если принять точку зрения Л. Г. Герценберга о том, что ларингал есть рефлекс акутированного акцента²², напрашивается вывод о том, что 1 л. здесь суперсегментно. Таким образом, перфект и тематический

²¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. Гл. „О структуре лиц глагола“.

²² Герценберг Л. Г. Опыт реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.

тип происходят из морфологически неоформленной глагольной парадигмы. По В. И. Георгиеву, эта парадигма соотносилась с I серией как дуратив, имперфектив, статив с перфективом, моментивом, курсивом²³. Поскольку маркированной была моментивная серия, можно предположить, что окончания *-m*, *-s*, *-t* придавали глаголу характер агентивности. В оппозиции к I серии неоформленная парадигма стала обозначать статив (предтеча перфекта) и длительное действие, которое затем переходило в презенс. Таким образом, презентное значение могло выражаться двояко: с помощью первичных окончаний и с помощью тематического типа флексий. Эти два способа могли контаминировать, следствием чего стал тематический презенс, представленный в санскр. и слав., когда к тематической гласной присоединились первичные окончания: *bharami* — БЕРО, *bharasi* — БЕРЕШИ, *bharati* — БЕРЕТЬ (интересно, что ряд форм этого глагольного корня указывает на его первично атематический характер: санскр., вед. *bharti*, греч. φέρτε, лат. *fers*, *fert*). Интересно, что различие в тематическом спряжении не является достаточным основанием для выделения диалектных групп в и.-е. Так, древнегреческий использует древнюю тематическую парадигму, близкий ему и.-ир. — новую; в вост.-балт. — древняя парадигма, в слав. — новая. Очевидно, контаминированная парадигма развилась сравнительно поздно, в предыстории древних диалектов. Возможно также, что в праслав. и праиндоиран. существовали парадигмы, аналогичные хет. спряжению на *-hi* и тематическому на *-mi*.

Таким образом, 3 л. в вост.-балт. маркируется только тематической гласной. Вместе с тем, в дописьменный период истории балтийских языков был продуктивен атематический тип. Согласно Хр. Стангу, атематические глаголы в балт. можно подразделить на три группы: 1) исконно атематические *būti*, *dūoti*, *dēti*, *ēsti* и т. д.; 2) древние, но не соответствующие и.-е. атематическим: *ālkti*, *bārti*, *bēgti*, *likti*; 3) глаголы, сравнительно поздно ставшие атематическими: *girdēti*, *juosēti*, *kinti*²⁴. К двум последним группам относятся глаголы с преимущественно интранзитивным и стативным значением. Некоторые из них обнаруживают связь с перфектом: *stovēti* — санскр. *tasthau*; *likti* „оставлять; оставаться“ — прус. *polaikit* „оставаться“ с перфектной *o*-ступенью.

Это, казалось бы, противоречит связи атематических глаголов с агентивной парадигмой. Следует отметить, что в греческом корневые аористы (тематические и атематические) также имеют иногда интранзитивно-стативное значение: ἔστυν „я стал“, ἔφυν „я вырос“, ὤρρε „он поднялся“. И. А. Пе-

²³ Georgiev V. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien // Балканско езикознание. 1975. Т. 13. N 3; Idem. Die drei Hauptperioden des Indoeuropäischen // Diachronica. 1984. Т. 1.

²⁴ Stang Ch. Die athematische Verba im Baltischen // Opuscula... S. 167.

тип происходят из морфологически неоформленной глагольной парадигмы. По В. И. Георгиеву, эта парадигма соотносилась с I серией как дуратив, имперфектив, статив с перфективом, моментивом, курсивом²³. Поскольку маркированной была моментивная серия, можно предположить, что окончания *-m*, *-s*, *-t* придавали глаголу характер агентивности. В оппозиции к I серии неоформленная парадигма стала обозначать статив (предтеча перфекта) и длительное действие, которое затем переходило в презенс. Таким образом, презентное значение могло выражаться двояко: с помощью первичных окончаний и с помощью тематического типа флексий. Эти два способа могли контаминировать, следствием чего стал тематический презенс, представленный в санскр. и слав., когда к тематической гласной присоединились первичные окончания: *bharami* — БЕРО, *bharasi* — БЕРЕШИ, *bharati* — БЕРЕТЬ (интересно, что ряд форм этого глагольного корня указывает на его первично атематический характер: санскр., вед. *bharti*, греч. φέρτε, лат. *fers*, *fert*). Интересно, что различие в тематическом спряжении не является достаточным основанием для выделения диалектных групп в и.-е. Так, древнегреческий использует древнюю тематическую парадигму, близкий ему и.-ир. — новую; в вост.-балт. — древняя парадигма, в слав. — новая. Очевидно, контаминированная парадигма развилась сравнительно поздно, в предыстории древних диалектов. Возможно также, что в праслав. и праиндоиран. существовали парадигмы, аналогичные хет. спряжению на *-hi* и тематическому на *-mi*.

Таким образом, 3 л. в вост.-балт. маркируется только тематической гласной. Вместе с тем, в дописьменный период истории балтийских языков был продуктивен атематический тип. Согласно Хр. Стангу, атематические глаголы в балт. можно подразделить на три группы: 1) исконно атематические *būti*, *dūoti*, *dēti*, *ēsti* и т. д.; 2) древние, но не соответствующие и.-е. атематическим: *ālkti*, *bārti*, *bēgti*, *likti*; 3) глаголы, сравнительно поздно ставшие атематическими: *girdēti*, *juosēti*, *kinti*²⁴. К двум последним группам относятся глаголы с преимущественно интранзитивным и стативным значением. Некоторые из них обнаруживают связь с перфектом: *stovēti* — санскр. *tasthau*; *likti* „оставлять; оставаться“ — прус. *polaikit* „оставаться“ с перфектной *o*-ступенью.

Это, казалось бы, противоречит связи атематических глаголов с агентивной парадигмой. Следует отметить, что в греческом корневые аористы (тематические и атематические) также имеют иногда интранзитивно-стативное значение: ἔστυν „я стал“, ἔφυν „я вырос“, ὤρρε „он поднялся“. И. А. Пе-

²³ Georgiev V. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien // Балканско езикознание. 1975. Т. 13. N 3; Idem. Die drei Hauptperioden des Indoeuropäischen // Diachronica. 1984. Т. 1.

²⁴ Stang Ch. Die athematische Verba im Baltischen // Opuscula... S. 167.

соответствует продленная ступень претерита: *kāria* — *kórè*, *tùpia* — *tūpè*. Это обстоятельство может быть объяснено неоднородностью балт. претерита: ∅ ступень характерна для тематических аористов (санскр. *avidat*, арм. *gitem*, греч. ἔβιδον, ἔφουγον, ἔλιπον), долгая гласная в корне — для корневых и сигматических (санскр. *avākṣam-*, лат. *vēxi*, слав. *ВѣХБ*). Таким образом, балт. претерит соотносится с греко-арийским аористом. Отсутствие аористных суффиксов следует считать инновацией балтийского, различные огласовки корня — переосмысленным архаизмом.

III

Одной из наиболее своеобразных черт балтийского глагола является отсутствие особой формы для обозначения 3 л. мн. ч. На этот счет высказывались самые различные предположения. Так, Хр. Станг полагал, что в балт. существовало синтаксическое правило τὰ ζῶα τρέχει²⁹. А. Эрхарт видит в этом фонетико-морфологическую балт. инновацию, заключающуюся в следующем. Для и.-е. восстанавливается флексия 3 л. мн. ч., аналогичная западнотохарской, где *-m/*-nt/* маркирует презенс, *-r* — претерит (ср. санскр. флексию 3 л. мн. ч. аор. и перф. *-ur*). В истории балт. **m > n*, *-r ≠ ≠* (в многосложных словах) и *-t ≠ ≠* отпадало, поэтому 1 л. ед. ч. претерита **-om > *-an*, 3 л. мн. ч. претерита преобразовалось в *-a*, 3 л. мн. ч. презенса — в *-an*. Возникла нежелательная омонимия между 1 л. ед. ч. претерита и 3 л. мн. ч. презенса, и флексия мн. ч. была замещена флексией ед. ч.³⁰ Теория А. Эрхарта чрезвычайно остроумна, но данный феномен можно объяснить и иначе. В частности, необходимо учитывать происхождение флексии *-ont*.

Подобно 3 л. ед. ч., это окончание происходит из именного суффикса, имеющего чрезвычайно разнообразные функции: с его помощью образовывались причастия (в хет. — пассивные при переходных глаголах, в остальных и.-е. языках — только активные); кроме того, наличие этого суффикса в именной основе могло придавать имени значение уменьшительности (слав. *ТЕЛЕ*, *ДИТЕ*), увеличительности (суффикс *-ущий* в рус.), одушевленности (нем. *Rind < *kr-ent*, дословно „рогатый“). Эту разнообразную семантику можно свести к инварианту: эмоциональность и экспрессивность. Одним из вариантов этого общего значения является выражение собирательного множественного числа: хет. *parna* „дом“ — *parnant* „селение“, *antuḥšaš* „человек“ — *an-*

²⁹ Stang Chr. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.

³⁰ Erhart A. Zum baltischen Verbalflexion, S. 243; Idem. Die Nichtunterscheidung von Numerus in der 3. Person der Baltischen und ihre ide. [Grundlagen / Международная конференция балтистов. Вильнюс, 1985.

tuhšant „человечество“, в лувийском этот суффикс присутствует во всех падежах мн. ч. В тохарских языках существует класс существительных, также образующих мн. ч. только с помощью этого суффикса: тох. А *klop* „горе“ — *klopant*, *akru* „слеза“ — *akrunt*, тох. А *wal*, В *walo* — А и В *lant* „цари“. Согласно Г. Р. Сольта, это мн. ч. следует охарактеризовать как *pluralis intensificus*; оно особенно распространено у абстрактных понятий, имен родства и имен деятеля³¹. Глагольная семантика полностью отвечает подобным дефинициям: более абстрактная, чем именная, указывает на действие; мн. ч. означает, что действие совершено многими субъектами, поэтому образование его с помощью суффикса *pluralis intensificus* вполне закономерно, формирование мн. ч. — процесс сравнительно поздний³². Поэтому допустимо состояние, когда в и.-е. глаголе функционировали два показателя: *-to* и *-ont*, различавшиеся не столько единичностью — множественностью, сколько степенью экспрессивности. В этой оппозиции немаркированным и более распространенным членом был аффикс *-to*, форма с *-nt* была оттеснена отчасти в мн. ч.

Было бы рискованно утверждать, что в балт. такая флексия мн. ч. совершенно отсутствовала. Видимо, вследствие периферийности балт. языковой зоны функция плюральности для суффикса *-ont* еще не успела полностью оформиться и вследствие малой распространенности элиминировалась. В балтийских языках известны активные причастия с этим суффиксом: лит. *dirbas*, *dirbes*, лтш. *nesoss*, *nesiss*. Причастия с этим суффиксом могут быть в лит. внедрены в глагольную парадигму в качестве так называемого косвенного склонения. Наличие здесь причастия указывает на неочевидность действия. Может быть, такие причастия репрезентируют глагольные формы с *-ont* более архаичные, чем плюральные.

Суффикс *-ont* коррелировал с суфф. *-r(o)*. В рамках глагольной парадигмы *-ont* маркировал презенс, инфинитив, актив, *-r* — медиопассив и иногда претерит (санскр. *-ur*, хет. *-ir*, авест. оптатив *arəš*, перфект *-arə*, лат. *-ere*, фриг. *-ar*). Он же мог стоять и в ед. ч. медиопассива: ирл. *berar* „(меня) берут“, оск. *ier* „идет“ (безлично, аналогично лат. *itur*), *loufir* „угодно“; венет. *tolar* „поднимается“, хет. *kišari* „становится“, *ešari* „садится“. В именной парадигме указанные суффиксы противостояли в гетероклисическом склонении (греч. ὕδωρ — ὕδατος < ὑδῆτος), а также в словообразовании: *-ent* — суффикс активных причастий, *-r* — стативных прилагательных (греч. στάς < *stants, слав. СТАРЬ).

³¹ Solta G. R. Gedanken über *nt*-Suffix. Wien, 1958.

³² Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.

Балт. глагол-связка *urà* (лтш. *ir*) напоминает вышеупомянутые глаголы на *-r*. Однако это сходство обычно не принимается в расчет. Ю. С. Степанов в своем подробном обзоре выделяет четыре различные точки зрения по этому вопросу³³: 1) балт. *urà* — существительное со значением „предмет, вещь“, ср. арм. *ir* „дело, вещь“ (И. Шмидт — Р. Готью); 2) лит. *urà* — междометие или наречие типа „вот, здесь“ (Хр. Станг); 3) лит. *urà* восходит к указанным перфектно-стативным формам, по поводу чего Ю. С. Степанов замечает, что это трудно обосновать конкретными данными (гипотеза Вяч. Вс. Иванова); 4) лит. *urà* аналогично союзу *iř* (Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров). В позднейшей своей статье Ю. С. Степанов дополнил эту теорию следующим: лит. *urà* происходит из застывшей синтагмы *iř ėsti* „(он) и есть“, в пользу чего свидетельствуют многие синтаксические явления в балт. и слав. Наблюдения Ю. С. Степанова чрезвычайно интересны, но для такой этимологии необходимо следующее. Выражение *iř ėsti* „и есть“ более экспрессивно, чем простое „есть“. Экспрессивные формы (фонетические, морфологические и синтаксические), утратившие экспрессивность, — характерная черта просторечия. У нас нет оснований считать, что *urà* является просторечной формой; различие между *urà* и *ėsti* лежит не в области стиля; более того, маркированным членом оппозиции является именно *ėsti*.

Подтверждением теории Вяч. Вс. Иванова³⁴ об особом образовании на *-r* в основе балт. *urà* может послужить глагольная этимология этой формы. Иными словами, нужно найти глагольный корень, к которому бы восходило *urà*. Представляется, что это может быть корень **eiti* „идти“ (греч. *εἶσι*, санскр. *eti*, хет. *raimi*, лат. *eo*, лит. *eiti*). Соединение этого корня со стативным аффиксом могло сообщить глаголу инактивную и результативную семантику: „я дошел“ → „я стал“ → „я являюсь“ → „я есмь“ (глагол-связка). Сходные семантические изменения претерпел глагол *werden* в нем.: происходя из корня **uert* „вращать“, он означает „становиться“, являясь в футуруме и пассиве глаголом-связкой. Корень **ei* мог претерпеть такие же изменения во фригийском. Здесь он присутствует в стандартных формулах типа *tetikmenos eitou* „проклят да будет“, *gegaritmenos eitou* „ненавидим да будет“. Как указывает О. Хаас, глагол *eitou* „да будет“ членится на корень *ei* „идти“ и флексию императива 3 л. ед. ч. *-tou* (**tu* или **-tōd*)³⁵. Стандартность его употребления с различными причастиями наводит на мысль о становлении глагола-связки, маркирующего футуральный пассив. В балтийском же этот корень с соответ-

³³ Степанов Ю. С. Лит. *ura*, рус. (он) *есть*. (К вопросу о происхождении) // *Baltistica*. 1985. Т. 21 (1).

³⁴ Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 75.

³⁵ Haas O. *Phrygische Sprachdenkmäler*. София, 1966. С. 205.

ствующим аффиксом превратился в стандартную связку. Удлинение *i-* могло произойти благодаря контаминации с лит. *iĩ*: **eira – iĩ = yrà*. Такая форма морфологически подобна оск. *ier* (при семантических различиях).

Следует отметить, что предложенная этимология лит. *yrà*, лтш. *ir* не противоречит теории Хр. Станга и В. Н. Топорова. По К. Уоткинсу, элемент *-r*, придающий глаголам стативное значение, происходит из эмфатической частицы **r*, имеющей параллели в греч. *ῥρα, ῥρ, ρῥ*, лит. *iĩ*³⁶. Из этого следует, что образование стативов такого типа восходит к древнейшим глагольным синтагмам.

Хр. Станг отмечал следующие новые черты в балтийском глаголе: общая форма флексии 3 л. ед. ч. и мн. ч.; общие окончания для всех времен и наклонений; отсутствие и.-е. аориста и перфекта, претерит на *-ā* и *-ē*. Бесспорно, что за этими инновациями скрываются архаизмы: древнейшая тематическая парадигма, слабое развитие глагольных форм на *-ont*, малая употребительность „первичных“ окончаний; ступени корня в претерите, отражающие и.-е. корневые и тематические аористы.

³⁶ Watkins C. Op. cit. P. 119.

³⁷ Stang Chr. Vergleichende Grammatik... S. 400–408.